

НОВОСТИ ОТ «ЕАН»

Теперь без ссылок на это агентство радио обходятся блокноты новостей не только на Урале. А ведь совсем недавно, как и доныне в других регионах, приходилось в том же Вертотурье или Красноуральске узнавать новости друг о друге — через Москву. Так что все, что вы прочтете в этих информационных колонках, уже ушло из агентства «Европейско-азнатские новости» в 30 адресов и через 15 минут могло прозвучать, например, по «Маяку». Хотя предложенную хронику культурной жизни Урала директор агентства Ольга Молчанова со товарищи подбирали специально для этого номера «Культуры».

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

ДА НА БЕДУ ОБВАЛИЛАСЬ ШТУКАТУРКА В КЛУБЕ СЕЛА КУНГУРКА, ЧЕМУ МОЖНО БЫЛО ТОЛЬКО ПОРАДОВАТЬСЯ.

Потому что на стенах этой бывшей церкви Зосимы и Савватия обнаружилось прекрасно сохранившиеся фрески. Осталось только отремонтировать здание, на совесть сработавшее 125 лет назад. Что и намерены сделать прихожане местной православной общины, которой передается церковь.

ВИХРАСТЫЕ ДИЗАЙНЕРЫ ИЗ КУШВЫ

ПО ВСЕМУ ГОРОДУ РАЗБИЛИ ОНИ ЗЕЛЕННЫЕ КОМПОЗИЦИИ, СОЗДАНИЕ В ПОЛНОМ СООТВЕТСТВИИ СО СТРОИМИ КАНОНАМИ ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА.

А изучают они премудрости японских садов камней, китайских клумб, да и английских парков с французскими цветниками в своей бригаде «Зеленая архитектура» под началом опытного цветовода Бориса Ермакова.

ОРАНЖЕВОЕ НЕБО, ОРАНЖЕВЫЙ ДИСПЛЕЙ

НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ ИХ РОДИТЕЛИ КРАСКИМИ, РИСУЮТ ДЕТИ ИЗ ГУМАНИТАРНОГО ЦЕНТРА «ТЕАТ» В ЕКАТЕРИНБУРГЕ.

Недавно композиция малышей — от четырех до десяти лет были представлены на первом Международном фестивале компьютерной графики и анимации в Москве. А дальше занятия по новому десятидневному компьютерному абонементу, программа «Аниматора», компьютерная игра «Тучинки шутки» под музыку Моцарта. Так что будет что показать на следующем фестивале в Царском Селе, где, помнится, тоже один удивительный бесенок отличился...

ИЗ РЕКИ ПО ИМЕНИ «ОБРАЗ И ФАКТ»

ВОТ УЖЕ ПЯТЬ ЛЕТ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ МУЗЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ УРАЛА.

Видно, действительно что-то очень важное удалось раскрыть художникам Виктору Малинову, Александру Нестерову, Юрию Калмыкову и Вячеславу Савину — за гранью той тысячи исторических реликвий края, которые представлены в экспозиции. Потому что в книге отзывов вы найдете подписи Андрея Сахарова и Эрнста Неизвестного, Михаила Ульянова и Олега Табакова... Есть смысл оставить и свою.

ГЕРМАНСКИЕ ОТРОГИ ПЕСЕННОГО УРАЛА

ИМЕННО К НИМ НЕДАВНО НАПРАВЛЯЛИСЬ АРТИСТЫ ФОНЬКОРНОГО АНСАМБЛЯ «БРУДЕРЛЯЙН» ИЗ КРАСНОТУРЬИНСКА.

Концерты и просто встречи с недавними земляками — русскими немцами — напомнили о том традиционном содержании немецких и уральских мастеров, которое давало столь добрые сходы в прошлом. Есть смысл подумать и о будущем.

ВЫЗОВ ГИГАНТАМ КИНОПРОКАТА

ЕГО БРОСАЕТ СВОЕЙ ЛЕНТОЙ «ТЫ ЕСТЬ» УРАЛЬСКИЙ РЕЖИССЕР ВЛАДИ...

Клоун, прыгающий через ослов

Портрет художника Виталия Воловича в размышлениях о времени и о себе самом

— Когда не удается сделать то, что хочется или задумано, мне кажется, что жизнь невыносима. Но вот атягиваешься в работу, и все отступает. В конце концов, мы напрасно романтизировали будущее, а самое медовое слово — это же привилегия художника! Когда приходит опьянение творчеством, все окружающее преобразуется, жизнь чужда.

— Виталий, но я помню в твоей жизни действительно трагические дни и годы. Хотя вам не приходилось играть роль непринятого, безвестного — ваш талант ценится даже не друзьями, но и не на ли было удобнее всего уловить вашу известность в формулировку «талантливый иллюстратор литературной классики средневековья». Ваши поклонники чувствовали, знали, что средневековья тут ни при чем.

— Шестидесятники, а я считал себя причастным к ним, считали время, выпавшее на нашу долю, «не нашим». Мы жили будущим, жаждали творческой свободы, а когда ее время пришло, оно оказалось тоже «не нашим». То, что мы делали раньше, расценивалось нами как восторг жизни. И «кучки» в кармане, за который нас хлелили, действительно был. Но парадокс: его не хотели замечать именно те, кто его видел...

— Тогда надо было бы признаться, кто скрывается за листами «Пустые панцири».

— Да, а начал ее после совещания в обкоме партии, где артистов учили петь...

— Вообще говоря, офорты к «Ричарду III» трудно было закопать в определение «иллюстрация». Это был прямой вызов насилию, жестокости, пыталось выставить и вообще любой тирании.

— Конечно, мы все были тенденциозны. Но и мистифицировать умели! Поминать, в 1972 году в Лейпциге намечалась выставка «Фигура». Требовалась художественная интерпретация литературы любого жанра. Я послал листы «Сожжение книг». Пришла расшаркировка с условием обозначить конкретный литературный персонаж. Ну что ж, перелистали Брехта (а под его зонгом можно подвергать все что угодно) и послали сообщение, что мои листы — и «Страху» и отчаянно в Третью империю. Выставком это проглотил. Потом какой-то специальный журнал признавал мои листы «наиболее сильным отрицанием искусства Брехта».

— Сейчас смешно, а ведь

лишь подобные мистификации периода застоя открывали путь к показу марксистского.

— Конечно, стояло к моей серии офортов «Пустые панцири» приписать «По мотивам средневековой литературы», и они беспрепятственно проходили на выставку. Без этого — ни-ни! Или шесть листов из серии «Цирк» прошли на выставку тоже под рубрикой «по мотивам такой-то книги», хотя независимого произведения на русском языке не существовало. Наверное, подумали, что я полглот.

Очень смеялся над этим Эрнст Неизвестный. И объяснил: когда ты выставишь станковую графику, это твоя личная позиция. А если — книжная иллюстрация, то ты тут ни при чем. Разоблачает «Ричард III» тоталитарный режим, при чем тут В. Волович? Это Шекспир виноват. Такая вот была цензурная проходимость. Осал, дрессирующий лва, беспокойный клоун, прыгающий через ослов... Это, правда, помогало многим выбрать свой путь, но в то же время поднимались и те художники, для которых достаточно было подобной тенденции. Не у всех она находила адекватное отражение в творчестве. Сейчас я думаю, что жертвами тоталитарной системы были не только те, кто ей противостоял, но и те, кто так и ограничился тенденциозностью, и конечно, те, кто безоглядно служил системе. Она удовлетворялась «тематической направленностью». Устояли же те, кто шел дальше тенденций — в мастерство, в искусство. В носкавательной форме мы говорили то, что не могли сказать ни публицисты, ни драматурги. Сейчас этого не требуется, и для многих художников утрата необходимости говорить заповедным языком оборнулась плачевно. Возникло множество противоречий. Выяснилось, что на пороге нового столетия в искусстве возникла определенная исчерпанность. Романтический период ожидания закончился. Не воспринимается искусство, занимающееся подобием предмета. За ним шли те, кто разрушал, расчленил, те, кто занимался абстрактной живописью, а сейчас идеи одного времени утесают, переплетаются с новыми, которых мы, быть может, еще не знаем. Это ведь не только в России.

В последнее время мне довелось, наконец, поехать, помотаться по галереям Запады, и я видел и в Париже, и в Вене, что с уходом Матисса и Пикассо, Кандинского, многих других художников, которые оплачивали свое искусство конфликтом с обществом, художники переживают кризис, а вещи самых знаменитых стали предметом эксплуатации.

Попытка бунта великих индивидуальностей была и есть искусством высочайшего художественного уровня. А сегодня многие современники паразитируют на их открытиях, нервничая, мастере. По-моему, это своего рода версификация искусства на искусство, и потому картинны не волнуют, а залы пусты.

— Но Виталий, на открытие вашей персональной выставки народ ломился...

— Что ж, раньше зрителей подогревал миф, что если ты в подвале, то непременно — гений, а теперь стало достойно и почетно оставаться бедным, и это признак твоей талантливости. Конечно, в этом много справедливого, но в сущности, все тот же миф. Искусство всегда подогревалось иллюзиями, а государство — тоже всегда побуждалось художников. Они же наслаждались своей опасностью для режима. Увы, это тоже был миф... Впрочем, беда заключается в том, что ныне искусство оценивают современные галереисты. А у них критерий один — возможность продать картину. И мне не по себе оттого, что лондонской галереей может дезориентировать и самого художника, и общество. Раньше ценилась социальная порядочность, она была неким знаком неустрашимости. Если у тебя снимали работы с выставки, ты ниц, но в глазах аудитории знак доверия. Сейчас галерейщики, магазинчики, всякий или не всякий работу, может повлиять на иррациональную самооценку художника, и это очень опасно.

— Не думаю, что если у вас ничего не купили, вы поверите, что это плохо.

— Ну я всю жизнь не делал того, что мне неинтересно. Но ведь уже появились художники, которые стали делать только то, что может быть продано. С одной стороны все замечательно — выставляй, что хочешь, покупает, кто хочет. Но раньше купленное оставалось в России, в музее, в запасниках, но дома. Сейчас проданное уходит в никуда. Я не знаю, куда ушли мои работы, проданные в Австрии. Западный художник имеет возможность издать каталог своих работ, мы же ни слайды, ни де-

же фото оставить себе не можем — дорого! Я боюсь, что многие мастерские могут вообще опустеть, а искусство России наших дней, в том числе и первоклассное, вообще раствориться.

— Но в вашей мастерской по-прежнему тесно от работ. Вот они — в листах — «Отелло», «Ричард», «Тристан и Изольда», «Исландские саги», знаменитый «Эгмонт», «Слово о полку Игореве». Кстати изданные «Эгмонта» и «Слова» давно стали уникалами, раритетами.

— Тираж был мизерный. «Эгмонта» — всего тысяча экземпляров... А «Эхил» так и не издан. Что ж, сейчас книг такого уровня, как юбилейное «Слово», почти не издадут. Художника вытеснила культура макета...

— Я не верю, что вы растаетесь с книгой. Вы рождаете друг для друга...

— Да, я придумал для себя форму присутствия в книге. Есть сотни листов «Средневековые мистерии». Мысль — создать по ним книгу средневековой литературы. Хороший составитель может найти идею такой книги из литературных отрывков, а моя цель — представить свой изобразительный ряд, свое видение жизни. Удается ли реализовать этот замысел, не знаю. Издательство мыслят прагматически. И «Цирк» — это серия для хорошего конструктора книги, в которой художник займет равное с другими авторами место.

— А если собрать серию и просто издать книгу Виталия Воловича?

— Собрана. Давно. Двести слайдов. И все — против фарисейства, насилия, глупости. Издать невозможно, хотя я все еще верю, что это перспективно. Ведь издал же Э. Неизвестный триста своих иллюстраций к Беккету, сделал книгу по серии к «Экклесиасту».

— А как мечталось о театре? Меня всегда удивляет, почему постановщики Шекспира обходили вас стороной!

— Да не они виноваты. Я сам. И Евгений Колобов, и Владимир Кобекин предлагали мне постановку, и на раз я не решился. Театр остался не реализованной мечтой, но может, к лучшему! По крайней мере, я уцелел от провала...

— Вечное самоубийство...

— Просто во мне нет авантюризма. А игра в искусство меня все-таки увлекала. Одна из последних серий — «Женщины и монстры».

— Тот, кто это видел, вряд

ли сочтет игрой такой подход к красоте и бунт против насилия над нею.

— И пусть! Но, может быть, кому-то покажется смешной извечная погоня за красотой, подматривание ради овладения ею! Что ж делать, если я — чокнутый на противостоянии насилия.

— И по-прежнему верен первой любви — офорту!

— О, нет! Нынче провел месяц в Тольском. Девяносто натуральных листов. Гуашь. Акварель...

Мне посчастливилось видеть эти листы. Слово «посчастливилось» не случайное. Не знаю, удастся ли когда-либо увидеть столь сконцентрированное отражение агонии нашего отчаянного века. Узнаваемая натура, а ощущение трагизма потрясает. Утас Куштума и Ермака, кажется, вздрагивает от вздыбленных в нем сил. Стал герой, над которым заря видится пожаром, неровное сопротивление каким-то космическим разрушительным силам. Заставляют смотреть эти листы стою. Со мной это было первый раз в жизни.

Г. ВЛАДИМИРОВА.

В УЗАХ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ДУХ

В екатеринбургском «Балете плюс» спектакль о П. И. Чайковском

По понедельникам сюда приходит иная, нетоварная публика — ведь в эти дни недели Мельпомена уступает жемо Терпсихоре: здесь четвертый год подряд дает свои спектакли «Муниципальная хореографическая компания «Балет плюс».

Театр, учрежденный администрацией Екатеринбургского и Свердловского и пользующийся поддержкой других учреждений, объединил танцовщиц, учившихся и работавших в Перми, Саратове, Алма-ты, Челябинске и, конечно, в Екатеринбурге. Духовный облик, направление творческих поисков и высокий профессиональный уровень «Балета плюс» в огромной степени определился в совместных усилиях искусствоведа Олега Петрова — идеолога и художественного директора компании, и «звезды» свердловского балета минувших лет Нины Менюшиковой — в настоящее время педагога-репетитора.

В репертуаре труппы семь спектаклей с хореографией Лепиа, Нижинского, Голызовского, Якобсона и работавших с коллективом Э. Смрнова, Г. Мацьявичуса, Г. Алексидзе.

Столетие со дня смерти П. И. Чайковского посвящено премьеры «Жизнь Жизней» (идея О. Петрова, хореография Д. Бевингтона из США, его же и Р. Бальмонта либретто). Это спектакль о жизни и смерти величайшего русского композитора.

Подлинный романтик, Чайковский видел смысл существования в любви и творчестве. Он жил и сгорал в неразрешимом конфликте этих высших ценностей с пошлой прозой повседневности, в конфликте: Главным образом — тонкая, умная своей индивидуальности — и красивая в своей драматической социальной среде, «суетливой целиности работа Андрея светом». Но, пожалуй, малорыбава. Воллошная поэзия романтика переживает, дружная и чистая, открытую ситуацию столь же остая миру и незащищенную, рапор, столь же болезненно-трагичная, бесконечно страдающая, как Чайковский, ищущая. И — обреченная полнота драматической коллизия был: часть. Тень обреченности предельно осложнена личностно-прозрачные отношения героя драмой художника. Отчаянною же с самыми близкими — неизлечимая усталость, горячая-жесточкая, бессильный ищущее разочарование — таким оманит! ход вещей, защитит! пришел и концу жизни. Тегетероз) и Музой (Наталья Пав- и смысловой сюжет спектакля.

«ПОБУДЬ СО МНОЮ»

ка сто семьдесят! Этим богатством, задумавшим, трогательным, всегда хочется поделиться с друзьями.

Вера Баева считает, что в наш век жестких взаимоотношений между людьми, резких слов, недопустимого поведения мир русского романа может осветить и воскресить душу. В нем ведь не только

страсть, в нем — тончайшие оттенки любви, грусти, печали, ожидания, волнения, тех чудных мгновений, без которых все-таки не может жить человек.

Мелодии самых любимых композиторов, поэзию русских слов хранит в себе динамичный этот жанр. Он живет и сегодня (вспомните лучшие наши

фильмы), и хотя нечасто звучит на эстраде, нельзя допустить, чтобы певучая русская душа небрежно рассталась с ним.

Так и родилась мысль о театре. В больших тематических программах непростое заставить зрителя вторить актеру: «Не уходи, побудь со мною». Но так уже бы-

ло несколько вечеров подряд. Небольшая постоянная труппа подготовила тематические программы до конца года. А в ближайшей перспективе — приглашение лучших вокалистов, способных не только спеть — прожить романс вместе со зрителем. Иначе театру не удалось бы перешагнуть рамки обыкновенного филармонического концерта. А он уже сделал это.

Г. В.

ГДЕ-ТО ЕСТЬ ГОРОД...

Александр Титель: И КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ

В чем феномен Свердловской оперы? Совершенно, что кто-либо вообще способен до конца разгадать, как и почему случаются в искусстве взлеты и падения. Можно лишь попытаться что-то сложить и вычлеть, что-то вспомнить...

На Урале, например, замечательная зима. И это очень важно, потому что снег имеет свойства эстетические и философские, он уравновешивает и примиряет, он мистифицирует пространство и романтизирует действительность. В том числе Свердловск, который на самом деле ведь не очень-то красив.

Однажды на каком-то отечественном концерте я услышал стихотворение Маяков-

как в снежном мареве плывет огромный театр с освещенными окнами. Это трудно понять. Это надо почувствовать. Граница Европы и Азии, странная тип немножко скучающих, немножко раскосящих, но абсолютно русских лиц, предрасветные очереди за молоком и черничные номера на ладошках. своеобразный уральский говор с любимыми словечками типа «мороженка», «пятначич», торжествующий серый цвет в пальто граждан и — белый театр-корабль!

Не знаю, как получилось, но сначала на этом корабле появились пять, потом десять, двадцать человек, которые театром только и жили. Мы все время сочиняли спектак-